

Современное юношество

Передо мною лежат записанные мною ответы мальчиков-эмигрантов от 15 до 18 лет на устную анкету, вскрывающие интересы и стремления современной русской молодежи и ее взгляд на религиозный и национальный вопрос, и книга Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева».

Они дают нам возможность определить и сравнить состояние нашей молодежи здесь и там — на родине.

Вот, что говорят мальчики-эмигранты: «Мы много танцуем, больше в дансингах, умудряемся танцевать по три раза в неделю и в результате плохая четверть. Ухаживают из нас очень многие, а для некоторых это составляет прямо цель их жизни. Многие пьют, но не до опьянения, хотя бывают исключения во время балов, вечеров и всякого рода увеселений, когда большинство молодежи напиваются до одурения, до рвоты. Впрочем есть и такие, которые настолько привыкли, что почти не пьянеют».

Азартные игры весьма развиты среди старшей молодежи, главным образом, скачки и карты. Из-за них проигрывают чужие деньги, пропускают школу.

«Часто ходим в кинематограф — по два раза в неделю. Больше всего любимы американские фильмы».

«Внешность для многих — все. Подражают иностранцам, главным образом, американцам и англичанам». По некоторым ответам видно, что есть среди молодежи стремление равняться на ту страну, в которой живут. «Ведь еще не известно, вернемся ли мы в Россию». Есть и такие ответы, правда, редкие: «Что мне Россия, когда я там видел только примеры зверств, совершенных над моими родными». Или: «Откровенно говоря, нам трудно будет в России освоиться, ибо мы привыкли к условиям жизни на Западе».

Трудности жизни выдвигают на первый план экономический вопрос и сильное стремление к материальному благополучию: «Хочется устроиться», и часто призвание, внутренняя склонность отодвигаются на задний план. Большинство молодежи интересуется отраслями знаний, которые

непосредственно могут принести практическую выгоду. «Выбирать по желанию не приходится». «Стать на ноги», вот что заботит многих. «Помочь родителям», — говорят некоторые.

На вопрос о современных идеалах был дан такой ответ: «Есть, конечно, стремления ко всяким идеалам, и к плохим, и к хорошим, но для последних мало примеров и потому они почти всегда отмирают, а для первых, сколько угодно». «Стать знаменитым боксером, велосипедистом и пр., и пр. — это дает деньги».

Некоторые из мальчиков, правда, стремятся к России, стремятся поднять честь родины, но как это сделать, практически не знают. Бросаются в партии, но там не находят удовлетворения и ответа. Вообще же, обращаясь к национальному вопросу, надо отметить, что ряды *русской* молодежи тают с каждым днем. «Где дразнят русских мальчиков, там еще они держатся, как русские, но где к ним относятся безразлично, там они постепенно сливаются с массой французов. Есть патриотизм, но больше внешний, газетный; есть сознание России, но нет любви, понимания ее». «Взрослые живут старым — мы его не знаем, нового тоже. Нас учат любить Россию, не зная, не чувствуя ее, да и то, мало кто учит». Встречается и такая молодежь, что явно отрицательно относится к русскому. «Не умею думать по-русски и для меня непонятен русский дух, мне смешно и стыдно, когда русские крестятся, проходя мимо своей церкви».

Но все же есть желание что-то дать России, что-то сделать, как-то выполнить свой долг, но это желание остается только желанием. «Взрослые слишком заняты борьбой за существование и партийными раздорами»... «Самый плохой пример для нас — это взрослое поколение. Мы хотели бы, чтобы был такой лозунг: «Россия выше партий», а мы видим, что для них партии куда выше России. Нет между ними дружбы, нет и между нами спайки». «Мало положительных примеров; нет никого, кто бы зажег и увлек молодежь».

Религия и Церковь. Об этом говорят мало, почти не говорят. Наибольший процент относится безразлично. «С детства нам никто не учил; молитв мы не знаем, служб не понимаем». «Считаем, что религия необходима, потому что ее гонят большевики, но как мы, молодежь, может быть религиозны, когда никто не раскрывает нам самую религию?». «В церкви те же раздоры, что и в миру, а понять их не можем». «В религии много отвлеченного, философского, это нам трудно и непонятно. Философию и всякую отвлеченность у нас презирают. Темы жизненного характера обсуждаются только постольку, поскольку они связаны с практической жизнью».

Практицизм вырос и утвердился, а борьба за существование выработала реальный подход к вопросам. Идеал характера — сильный, волевой — такими хотят быть все. К прежнему интеллигентному типу относятся полупрезрительно.

На вопрос: что привлекает в современной жизни, даны были ответы такого характера: «Главным образом — успехи и достижения цивилизации, темп и быстрота жизни, и то, что мы можем делать многое сами. Мы свободнее в наших поступках, чем молодежь 30 лет тому назад, в нас больше самостоятельности». Несмотря на печальную картину, обрисованную вышеприведенными ответами, у молодежи есть сознание, что окружающая их жизнь не такова, какой она должна быть. Не нравится ей общая распущенность нравов, сильно развитый эгоизм, недоверие, не сплоченность. Молодежь считает, что современному русскому человеку недостает живости, способности к объединению, самостоятельности, религиозного чувства, проявление которого должно сказываться, главным образом не в философии, а в жизни.

На вопрос, как они относятся к современной девушке, даны были следующие ответы: «Ее нравственный облик сильно пал, в ней мало развито чувство чести, нет красоты во взаимоотношениях». «Девушки в большинстве случаев пусты, говорить с ними не о чем, но зато мне нравится, что

современные отношения натуральнее, проще. И я больше понимаю современный тип девушки, чем старый».

Молодежь не смотрит на себя безнадежно и указывает следующие пути для борьбы с недостатками. «Необходимо, чтобы в программах работы с юношеством работа национальная и религиозная велась параллельно, а не расходилась, а то одни все упирают на религиозное, другие все — на национальное, и получается что-то вроде партий, одна — религиозная, а другая — национальная. Необходимо, чтобы сама Церковь обратила бы больше внимания на молодежь.

В первую очередь, нам надо иметь как можно больше священников, знающих юношество и могущих удовлетворить наши интересы. Надо, чтобы при приходах были организации мальчиков, чтобы священник ходил с ними в походы, мог бы научить нас и грамм и пр., тогда он завоевывает доверие и любовь». «Вообще, если взрослые хотят добиться результатов в религиозном воспитании, им нужно быть проще, меньше писать больших и непонятных книг, а больше говорить с юношеством, просто и понятно, и стремиться увлечь его. Нет руководителей — вот, что плохо... мы любим Россию, но плохо сознаем, что должны что-то сделать для нее, пусть они покажут, что... Вера без дел угасает, и в нашем юношестве она все угасает с каждым годом, потому что ее мало кто поддерживает по-настоящему».

Общая картина не особенно утешительна, но она должна нас только заставить лучше понять современную молодежь, услышать ее просьбу о помощи и начать ту систематическую работу с ней в которой она столь нуждается.

Обратимся теперь к другому документу: к «Дневнику Кости Рябцева» Н. Огнева, изданному в советской России. Дневник очень живо рисует характер и нравы советского юношества. Возьмем несколько выдержек из него: «В старой школе над ребятами шкрабы (школьные работники) измывались, как хотели, теперь мы этого не позволим. Тогдашние ребята и понятия не имели о тех временах, в которые нам пришлось жить. Мы ведь

перенесли голод, холод и разруху, нам и семьи приходилось кормить, и самим за тысячи верст ездить за хлебом, а некоторые в гражданской войне участвовали... с нами не имеют права обращаться, как с детьми или пешками»... — вот взгляд 15-тилетнего советского школьника на школьную дисциплину, разделяемый большинством его сверстников. Го взгляд на добро и зло: «Мне так кажется, что ни добра, ни зла не существует; верней, что для одного зло, то для другого может быть добром, и наоборот.... Так, по крайней мере, из политграмоты видно». Далее рассказ девочки: «Я в Бога не верю, хотя мне за это и достается от матери. У меня мать старых убеждений, а отец — новых. Я и мать люблю, и отца, а у них постоянно руготня и даже драки. Отец иконы убрал, а мать их опять внесла. Я сначала была на стороне матери, а потом меня отец убедил. — А ты раньше тоже в церковь ходила? — Да, когда Дуней была, то ходила. Потом мы с отцом решили, что он будет звать меня Сильфидой, и с тех пор я перестала ходить. Мать и слышать не хочет про Сильфиду.

Далее... «Вчера я виделся с моим дорогим товарищем Ванькой Петуховым. Он теперь на фабрике, хорошо зарабатывает и содержит всю семью. Звал и меня на фабрику, но я ответил, что надо раньше поучиться. Разговаривал с ним насчет цели жизни. Он ответил мне просто и ясно: — Живем для того, чтобы на место прогнившего старого строя построить новый светлый и радостный: коммунизм. Потом мы рассуждали с ним о половом вопросе. Он говорит: — Да у нас на фабрике и вопроса-то никакого нет. Просто, если кому нравится девчина, подходит и говорит: «Ты мне нравишься, Манька или Ленка. Хочешь гулять со мной?». Если не хочет — повернет спину. А если хочет — гуляет. То есть по-настоящему? — спросил я. — Ну да, по-настоящему. Как муж с женой»...

В другом месте мы читаем страничку из дневника девочки: «Большинство наших девочек хотят быть в жизни киноартистками или балеринами. Об ученье думают мало: лишь бы сдать зачеты, а в голове может

ничего не остаться. Вполне понятно, что большинство девочек такие же полуграмотные, как Стася В. Одна девочка мне сказала: «Кончу школу, буду кинозвездой, уеду в Америку. Вот моя жизненная программа». А меньшая часть девочек хочет по окончании школы поступить на фабрику, чтобы вращаться в класс».

Кончается дневник так: «Мы с Сильвой — комсомольцы. Все инстанции нас утвердили. Нам поручено организовать в школе форпост пионеров. Это наша первая партнагрузка».

Наше юношество под маской. В эмиграции они носят случайные маски тех стран и той среды, в которой они живут, в России маска комсомола, безбожия и интернационала. Где же настоящее лицо молодежи? Кто и что откроет и сорвет с них эти больные и лживые улыбки жизни? Сличите эти маски и к вашему ужасу в них есть одно общее — пустота. Идут в жизнь с закрытыми глазами, идут ощупью, идут как попало. В сущности говоря, это громадная армия беспризорных, ибо в эмиграции и одинаково в России они потеряли голову. В эмиграции будучи оторванными физически, там оторванные духовно. Они потеряли самое дорогое, Церковь и родину. Они мучительно переживают бесконечные кризисы и ждут опоры, ждут дружбы и заботы, и как редко они получают их. Если бы мы попытались провести анкету среди более взрослой молодежи, мы бы услышали бы и там те же голоса. А нивы побелели. В момент обостренной борьбы добра и зла, в момент духовных кризисов, в момент распутия необходимо сильное увлекающее чувство любви, необходим огонь веры, а мы больше живем умом, у нас больше рассуждений, чем действий. Любовь к молодежи должна быть от сердца, а не от разума, и когда это будет, она пойдет за нами широкой волной. А если нам удастся достигнуть этого в эмиграции, то мы можем быть уверенными и в нашей будущей победе над молодежью в России.

Н.Ф. Федоров

Париж